

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.16'373.2
ББК Ш141-316

Т. Григорянова
Трнава, Словакия

К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМАХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОГО, ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формального сходства или тождества и семантических отличий на лексическом уровне сравниваемых славянских языков (словацкого, чешского и русского). Исследуется явление межъязыковой омонимии, причем внимание уделяется терминологическим вариантам и разграничению понятий омонимии и паронимии. Предметом исследования является сравнительный анализ переводов художественных текстов с русского на словацкий и с чешского на словацкий языки с целью выявления случаев проявления негативной интерференции при переводе межъязыковых омонимов. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что так называемые ложные друзья переводчика являются камнем преткновения не только для обучающихся иностранному языку, но также для профессиональных переводчиков, лексикографов и специалистов по машинному переводу. Наши наблюдения могут найти практическое применение в процессе обучения славянским языкам. Представленный иллюстративный материал подтвердил необходимость продолжить исследования в данной области и применять их в профессиональной подготовке филологов, в том числе переводчиков и лексикографов. Полученные нами результаты могут стать аналогом и для иных исследований в области славянской филологии.

Ключевые слова: омонимия, паронимия, межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика, словацкий, чешский и русский языки.

T. Grigorjanova
Trnava, Slovakia

ON THE PROBLEM OF INTERLINGUAL HOMONYMS IN SLAVIC LANGUAGES (USING THE MATERIAL OF SLOVAK, CZECH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Abstract. The article considers the questions of formal similarities or equality and semantic differences on lexical level of the compared languages: Slovak, Czech and Russian ones. The phenomenon of interlingual homonyms is investigated in the article; special attention is given to terminological versions and the distinction between the concepts “homonymy” and “paronymy”. The subject of investigation is the comparative analysis of the translations of literary texts from Russian into Slovak and from Czech into Slovak to identify the instances of negative interference in translation interlingual homonyms. On the base of the obtained results, the following conclusion is made: the so-called false friends are the stumbling block not only for the students of foreign language but for the professional interpreters, lexicographers and the specialists in machine translation. The results of the investigation can be applied in the process of teaching Slavic languages. The presented illustrative material confirms the necessity to continue research in this field and to apply the results in the training of linguists, including translators and lexicographers. The obtained results may become analogous for other research in the field of Slavic studies.

Keywords: homonymy, paronymy, interlingual homonyms, false friends, Slovak, Czech and Russian languages.

Как известно, в славянских языках в силу их общего происхождения имеется большое количество лексем, частично или полностью тождественных по своей форме (графической или звуковой), но расходящихся в неодинаковой степени по лексическому значению. По словам Ф. Копечного [Korešný 1981: 9], в современных славянских языках насчитывается около двух тысяч слов древнеславянского происхождения, которые полностью или частично идентичны как в плане выражения, так и в плане содержания. Тем не менее, коммуникация между славянами далеко не беспроблема. Это подтверждают также сопоставительные исследования лексических систем славянских языков, в нашем случае, словацкого с иными славянскими языками [Buffa 1999; Horáková 2001, 2003; Kollár 1982; Pančíková 1993; Petruňová 2004; Vaňko 2004 и др.].

Хотя проблему межъязыковой омонимии можно отнести к ключевым вопросам синхронно-сопоставительного изучения как родственных, так и

неродственных языков, в научной литературе по данному вопросу пока отсутствует адекватное описание этого феномена, о чем свидетельствует наличие терминологических вариантов данного понятия — интерлингвальные или межъязыковые омонимы, интерлингвальные или межъязыковые паронимы, межъязыковые параллели, аналогии, аналогизмы, но также более поэтичные наименования — коварные или ложные друзья переводчика и др. [более подробно см. Horáková 2003: 13—14].

Самыми распространенными в англоязычной, отчасти и русской литературе являются ложные когнаты в качестве «свободной альтернативы» к «ложным друзьям» [O'Neill, Casanovas Catala 1997: 103]. Если понятие когната традиционно относится к «этимологически связанным словам, которые имеют общее происхождение независимо от их значения», то ложные когнаты тождественны в плане выражения, но отличаются в плане содержания и «могут иметь одинаковое происхождение» [там же: 109]. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи [напр., Chamizo Domínguez 2008: 2—

¹ Работа выполнена в рамках гранта KEGA 025 UCM — 4/2014 Zvyšovanie efektívnosti edukačného procesu v rusko-slovenskej komparácii (Slovenská republika)

3], понятия «ложные друзья» и «ложные когнаты» не идентичны. Если когнаты имеют общее происхождение в двух или более самостоятельных языках, то определение «ложные» меняет смысл всего словосочетания. С этой точки зрения ложные когнаты можно понимать как два формально идентичных, но семантически отличных слова в двух разных языках, которые только создают видимость общего происхождения, однако их звуковое или графическое сходство на самом деле случайное. В этой связи ложные когнаты следует рассматривать только как «гипонимы по отношению к ложным друзьям». Кроме того, не следует забывать, что большинство когнатов считаются «истинными друзьями» [там же].

В. Акуленко также считает, что термин «ложные когнаты» неточен (и критически высказывается также по поводу термина «межъязыковые омонимы»), так как термин когнат «традиционно ассоциируется в языкознании с общим происхождением слов в родственных языках, в то время как рассматриваемая группа слов определяется чисто синхронически, независимо от происхождения» [Акуленко 1969: 372].

Расхождения во взглядах проявляются также при становлении основных критериев для определения понятий омонимия и паронимия, равно как и различий между ними. В большинстве дефиниций указывается, что омонимы — формально идентичные лексические единицы, в то время как паронимы характеризуются минимальными звуковыми или графическими отличиями [Filipce, Černák 1985; Ondruš, Sabol 1981; Розенталь, Голуб, Теленкова 2003; Шмелев 1977; Фомина 2001 и др.].

Вопросы, связанные с паронимией, как внутриязыковой, так и межъязыковой, начали более детально освещаться только 60-е годы прошлого века [Вишнякова 1987: 7—8]. Этим и объясняется наличие многочисленных дефиниций паронимов [детальный обзор дефиниций, см. Škvareninová 2001: 87—100]. Однако для нас существенной представляется именно проблема разграничения паронимии в узком и широком смысле. Если исходить из последнего, то паронимией можно считать практически любое формальное сходство любых слов, напр., словац. *kosa* — *koza*, *pleso* — *slepo*, в отличие от более узкого понимания, согласно которому к паронимам можно отнести только слова с тождественным лексическим корнем [там же: 89]. Таким образом, паронимы в узком смысле можно характеризовать как слова, частично тождественные по звуковой или графической форме, отличающиеся своим значением, образованные от того же корня и принадлежащие к одной части речи.

Отличие между интерлингвальными омонимиями и паронимиями заключается в том, что паронимы образовались из первоначально общего корня, в то время как омонимы могут образоваться как в результате случайного формального совпадения (в большинстве случаев это пары — свое и заимствованное слово), так и в результате распада значений первоначально полисемантической лексемы, иной раз также в результате расширения или сужения семантической структуры слов, восходящих к одному и тому же этимону. Это как раз типично для

генетически родственных языков [Blanár 1993: 87]. Поэтому некоторые исследователи [напр., Kollár 1982: 225; Федорчук 2000: URL] различают межъязыковые паронимы и омонимы на основании вышеуказанных критериев формального сходства или тождества. Однако некоторые лингвисты придерживаются точки зрения, согласно которой можно объединить дифференциальные признаки между сходством и тождеством в формальном плане выражения. Таким образом, паронимия не воспринимается как самостоятельное явление, а становится частью омонимии. Например, Ю. Ванько [2004: 60—61] считает интерлингвальными омонимиями не только формально тождественные слова, но также лексемы с некоторыми отличающимися фонетическими или морфологическими чертами, так как эти отличия не являются существенными для участников двуязычной коммуникации. В данном случае важно только то, могут ли эти слова быть потенциальной причиной семантического сдвига в интерпретации их содержания.

Межъязыковая омонимия в генетически родственных языках часто является источником отрицательной интерференции. Это вызывает у учащихся проблемы в освоении иностранного языка не только на начальном, но также на продвинутом этапе. Поэтому данному явлению необходимо уделять большое внимание в процессе обучения. На основании анализа переводов русских художественных текстов на словацкий язык, выполненных словацкими студентами русистики, выяснилось, что близкое родство языков может быть не только большим преимуществом, но также помехой при переводе именно интерлингвальных омонимов. Интересно, что студенты с проблемными и сложными частями в тексте в основном справились. Однако, в случае перевода ложных друзей, они не смогли освободиться от влияния родного языка, что отрицательно повлияло на выбор подходящего переводного эквивалента. Это можно объяснить тем, что при переводе незнакомых лексем или словосочетаний студенты обращались к словарям или иным источникам информации, работали более внимательно.

В анализируемых переводах чаще всего неверно интерпретировались неполные омонимы, т.е. такие пары слов, в значении которых имеются какие-то общие семы, и их одновременное использование в определенном контексте вполне допустимо и неверный перевод не кажется нелогичным. Напр., рус. *палец* переводится неверно как *palec* ‘большой палец’ вместо правильного *prst*; *сон* — *sen* ‘мечта’ вместо *spánok*; *жаль* — *žiaľ* ‘горе, печаль’ вместо *škoda*; *обратиться* — *obrátiť sa* ‘вернуться’ вместо *prihovoriť sa*; *почивать* — *odpočívajť* ‘отдыхать’ вместо *spať*; *могила* — *mohyla* ‘могильник, могильный холм’ вместо *hrob*; *гроб* — *hrob* ‘могила’ вместо *truhla*; *не мешай* — *nemiešaj sa do toho* ‘не вмешивайся’ вместо *neprekážaj*; *черт их знает* — *čert ich pozná* ‘черт с ними знаком’ вместо *čert ich vie* и др.

Не секрет, что даже опытные переводчики иногда попадают в ловушку так называемых ложных друзей, что подтвердил и наш анализ перевода сборника рассказов И. Денежкиной «Дай мне!» с русского на словацкий, из которого выбираем несколько интересных примеров: *Почувствовала ...*

боль, будто сдирали примерзшие **колготки**... *Pocítila ... bolesť, akoby z nej stáhali **nohavičky***... (букв. ...сдирали трусики). В данном случае мы можем говорить о словацко-чешско-русской интерференции, когда переводчик отождествил значение русского слова *колготки* и чешской лексемы *kalhotky* 'трусики', которой в словацком соответствует эквивалент *nohavičky*, причем следовало использовать лексему *pančuchy*. Следующий пример подтверждает, что переводчик может не различить и внутриязыковую омонимию (в данном случае омофоны), перепутав русские глаголы *забыть* 'не помнить' и разг. *забрызгать* 'бросить'. *Она забрызгла на Антона. Zabudla na Antona.* (букв. Она забыла Антона) вместо *Rozišla sa s Antonom*.

Межъязыковая омонимия представляет серьезную проблему также для создателей компьютерных программ по машинному переводу. Следующий иллюстративный материал подтверждает, что в настоящее время компьютер не в силах справиться с правильным выбором омонимичного эквивалента. Мы использовали русско-чешско-словацкий материал из базы данных известной чешской фирмы «Lingea», которая успешно составляет и издает двуязычные словари (в различных комбинациях) в электронной и печатной форме. При составлении русско-словацкого варианта руководство фирмы решило в целях экономии времени и средств использовать уже готовую русско-чешскую версию с тем, что чешские эквиваленты и примеры переводились при помощи машинного перевода на словацкий язык и затем присоединялись к русскому исходному варианту. Несмотря на высокопрофессиональное решение этой задачи, в переводе было допущено много ошибок и неточностей в выборе подходящего эквивалента. Анализ ошибок подтвердил, что в большинстве случаев компьютер не справлялся с межъязыковой омонимией (полной или неполной), паронимией и полисемией. Компьютер, в отличие от переводчика, часто не различал даже случаи акцидентального совпадения грамматических форм разных частей речи (омоформы). Напр., неразличение **предлога и существительного**: русскому предлогу *без* соответствуют в чешском две словоформы, как предлог *bez*, так и существительное *bez* 'бузина', которое компьютер предпочел в качестве словацкого эквивалента, и рус. предлог перевел как сущ. *baza* 'бузина'; **существительное — глагол**: рус. *операционный зал*, чеш. *operační sál* (форма им. п. сущ. *sál* совпадает с формой прошедшего времени глагола *sát* 'сосать'), неверный перевод на словацкий — *operačný cical* (букв. операционный сосал) вместо *operačná sála*; **существительное — наречие**: рус. *младенец*, чеш. *nemluvně* (сущ. 'младенец' и наречие 'неразговорчиво'), неверный перевод на словац. *nezhovorčivo* вместо *dieťaťko, kojenec*. Улыбку могут вызвать случаи неразличения компьютером внутриязыковой омонимии (в данном случае чешской): чеш. лексема *pokoj* обозначает 'мир, покой', но также 'комната': *жить в миру и покое*, чеш. *žiť v míru a pokoji*, перевод на словац. *žiť v mieri a izbe* (букв. жить в миру и комнате) вместо *žiť v mieri a pokojí*; чеш. *párek* имеет два значения —

'парочка' и 'сосиска': рус. *любовная парочка*, чеш. *milenecký párek*, перевод на словац. *milenecký párok* (букв. любовная сосиска) вместо *milenecký párik*; чеш. *čočka* имеет два значения 'чечевица' и 'линза': рус. *контактные линзы*, чеш. *kontaktní čočky*, перевод на словац. *kontaktné šošovice* (букв. контактные чечевицы) вместо *kontaktné šošovky*.

Представленный русско-словацкий иллюстративный материал подтвердил, что даже близкородственные языки с общей этимологией не разбиваются одинаково, о чем свидетельствуют различия не только в семантической структуре сравниваемых «ложных друзей переводчика», но также различия в их коннотации и стилистической окраске. Лексические системы генетически близких языков продолжают независимо развиваться в разных культурных и социальных условиях, хотя и сохраняют общие семантические составляющие. Возможно, именно поэтому они и являются единицами повышенного риска с точки зрения их адекватного понимания не только для изучающих иностранный язык, но и для тех, кто работает с языком на профессиональном уровне — переводчиков и лексикографов.

ЛИТЕРАТУРА

Blanár V. Porovnávanie lexiky slovanských jazykov z diachrónneho hľadiska. Bratislava: Veda vydavateľstvo SAV, 1993. — 185 с.

Buffa F. O formálnych zhodách v oblasti poľskej a slovenskej lexiky // *Slavica Slovaca*. 34. — 1999. — № 2. — С. 124—136.

Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Academia, Praha, 1985. — 281 s.

Horáková R. Interlingválne homonymá ako lexikografický problém // *Slavica Slovaca*. 38. — 2003. — № 1. — С. 13—21.

Horáková R. Slovinsko-slovenská homonymia z konfrontačného hľadiska / *Philologica LIII // Zborník filozofickej fakulty UK, Univerzita Komenského Bratislava*, 2001 — С. 175—180.

Chamizo Domínguez P. J. Semantics and pragmatics of false friends. New York, London: Routledge, 2008. — 200 с.

Kollár D. Medzijazyková homonymia / *Studia Academica Slovaca*. 11 // *Prednášky XVIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, 1982. — С. 223—234.

Kopečný F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha: Academia, 1981. — 284 с.

O'Neill M., Casanovas Catalá M. False friends: A historical perspective and present implications for lexical acquisition. // *Barcelona English Language and Literature Studies*. — 1997. — № 8. — С. 103—115.

Pančíková M. Zradné slová v poľštine a v slovenčine. 1. vyd. Bratislava: Univerzita Komenského, 1993. — 104 с.

Petruňová H. Medzijazyková homonymia (so zameraním na oblasť medicínskych a prírodných vied v ruštine a slovenčine) // *Odborná komunikácia v zjednotenej Európe*. II. Banská Bystrica — Praha, 2004. — С. 86—92.

Škvareninová O. O paronymickom slovníku / *Lexicographica '99 // Zborník na počesť Kláry Buzássyovej*. Bratislava: Veda vydavateľstvo SAV, 2001. — С. 87—100.

Vaňko J. Slovinsko-slovenská interlingválna homonymia // *SLAVIA. Časopis pro slovanskou filologii*. Roč. 73. Praha, 2004. — Sešit 1. — С. 59—70.

Акуленко В. В. О ложных друзьях переводчика. Знание. Понимание. Умение. — М., 1969. — С. 371—384.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. — М., 1986. — 448 с.

Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка. — Изд. 2-ое. — М., 1987. — 352 с.

Правда Е. А. К вопросу о межъязыковых аналогизмах (на материале словацкого и русского языков) / *Hľadanie ekvivalentnosti I. // Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov. Prešov: Prešovská univerzita, 2003. — С. 209—218.*

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. — 5-е изд. — М., 2003. — 448 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977. — 335 с.

Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках. Электронная библиотека диссертаций. — Режим доступа: <http://www.dissertat.com/cart?nocache=1> (дата обращения: 15.05.2014).

Данные об авторе

Григорянова Татьяна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русистики философского факультета, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве.

Адрес: Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Nám. J. Herdu č. 2, 917 01 Trnava, Slovakia.

E-mail: tatiana.grigorjanova@gmail.com.

About the author

Grigorjanova Tatiana is a Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Studies of the Faculty of Philosophy, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava).